

Иерей Алексей Сорокин

Особенности передачи древнееврейских наименований растений в Септуагинте

Статья представляет собой обзор характерных особенностей передачи древнееврейских наименований растений (фитонимов) в древнейшем переводе Ветхого Завета – Септуагинте (LXX). Основным материалом для анализа явились названия растений, упоминаемые в книгах Бытие и пророка Исаяи. Можно отметить, что для LXX характерна непоследовательность при переводе древнееврейских фитонимов, а также широкий спектр приемов перевода: обобщающий перевод, транслитерация, перевод-трактовка. Изучение ботанической лексики Септуагинты позволяет уточнить значение трудно понимаемых еврейских фитонимов, что может иметь значение для экзегезы Священных текстов, изобилующих ботаническими образами, символами и метафорами.

Ключевые слова: Септуагинта, книга Бытие, Книга пророка Исаяи, растения Библии, фитонимика.

Введение

Библейская ботаническая лексика представляет значительную проблему для исследователей, экзегетов и переводчиков Священного Писания. Не установлено точное значение целого ряда древнееврейских наименований рас-

Алексий Сорокин – иерей, докторант Общецерковной аспирантуры и докторантуры, Николо-Угрешская духовная семинария, (a_n_sorokin@mail.ru)

тений (фитонимов), встречающихся в Ветхом Завете. В ряде случаев число гипотез о ботанической принадлежности одного и того же фитонима исчисляется десятками. Важнейшим среди методов, с помощью которых можно приблизиться к пониманию точного значения ветхозаветных древнееврейских наименований растений, можно считать анализ древних переводов Священного Писания, в особенности – Септуагинты (LXX). Важность этого перевода для целей «библейской ботаники» обусловлена близостью времени создания Септуагинты к эпохе формирования самих библейских текстов. Например, перевод Пятикнижия на древнегреческий язык осуществлялся еще в III веке до Р. Х., т. е. в период, когда в иудейской культуре сохранялось понимание многих ботанических реалий, запечатленных в древнееврейском тексте.

Безусловно, перевод Семидесяти – это важнейший источник информации о том, как понимались древнееврейские ботанические термины иудеями эллинистической эпохи. Авторы LXX могли использовать те древнегреческие наименования растений, которые, по их мнению, наиболее адекватно передавали то или иное древнееврейское понятие или реалию. Следует учитывать, что IV–III столетия до Р. Х. – это эпоха зарождения естествознания, когда появились труды первых античных ученых-натураллистов по ботанике. Следовательно, мы имеем ряд естественнонаучных текстов по ботанике – ровесников LXX, причем написанных также на греческом языке. Этот факт позволяет нам в большей степени приблизиться к пониманию наименований растений Библии, чем при работе исключительно с древнееврейским текстом, еврейской постбиблейской литературой и другими источниками на семитских языках. Таким образом, Септуагинта может служить своего рода ключом к пониманию древнееврейской библейской фитонимики.

В настоящей статье мы представляем краткий обзор особенностей передачи древнееврейской фитонимики в LXX. Этот обзор не претендует на исчерпывающий характер, но представляет собой попытку продемонстрировать

разнообразии способов перевода и выявить своего рода переводческие стратегии. Классификация различных подходов к переводу наименований растений в LXX, попытка выявления мотивов переводчиков, реконструкция языковой и культурной среды, в которой создавался древнейший перевод Священного Писания, могут служить основой для дальнейших исследований в области «библейской ботаники».

Непоследовательность перевода наименований растений в Септуагинте

Одной из заметных особенностей передачи ботанической лексики в LXX можно назвать непоследовательность перевода, когда одно и то же древнееврейское название переводится разными греческими терминами. Безусловно, в первую очередь, это объясняется сложным и длительным процессом формирования греческого перевода Ветхого Завета, а также отсутствием единой редактуры текста LXX. Однако конкретные причины, по которым в том или ином случае возникала непоследовательность перевода, могут быть самыми разными (иной протограф LXX, стилистические предпочтения переводчиков, разные переводческие стратегии при переводе разных книг Библии, ошибочное прочтение термина и т. д.). Поэтому исследователю необходимо рассматривать каждый подобный случай отдельно. Более того, далеко не во всех случаях мы можем в точности понять мотивы переводчиков, отдавших предпочтение разным переводческим эквивалентам при передаче одного и того же фитонима.

В качестве примера подобной непоследовательности можно рассмотреть древнееврейское слово *bərôš*, которое в русском Синодальном переводе чаще всего (18 из 20 раз) переводится как «кипарис» или «кипарисовое дерево». Что касается Септуагинты, то ситуация с переводом этого фитонима гораздо сложнее. Лишь в четырех случаях *bərôš* явно передается как *κινάριστος* (4 Цар. 19:23, Ис. 37:24, Ис. 55:13, Ис. 60:13). Еще в трех стихах также имеется сло-

во κολάρισσος, но соответствие еврейского бəḡōš и греческого κολάρισσος слов здесь не очевидно (Ис. 41:19, Иез. 27:5, Иез. 31:8). В других трех ситуациях МТ и LXX расходятся столь кардинально, что вовсе невозможно найти соответствие фитониму бəḡōš (2 Цар. 6:5, 3 Цар. 5:10, Ис. 14:8). В двух случаях мы встречаем очевидную ошибку прочтения древнееврейского текста при переводе бəḡōš (Наум 2:3, Пс. 103:17)¹. И 8 раз бəḡōš переводится иными греческими фитонимами, обозначающими другие хвойные растения: 4 раза – λεύκη (сосна? – 3 Цар. 5:8, 6:15, 6:34, 9:11), 2 раза – ἄρκευθος – (можжевельник? – 2 Пар. 2:7(8), Ос. 14:9), 1 раз – κέδρος (кедр – 2 Пар. 3:5), 1 раз – λίτυς (сосна – Зах. 11:2).

Например, в Ис. 14:8 еврейское бəḡōšîm LXX передает как τὰ ξύλα τοῦ Λιβάνου «деревья Ливана». При этом в том же самом стихе мы встречаем и еврейское выражение 'arzê ləḇānôn, которое переводится вполне традиционно ἡ κέδρος τοῦ Λιβάνου «кедр Ливана». Что перед нами: осознанное отступление переводчиков от традиционного перевода еврейского слова или, скажем, отражение иной текстуальной традиции или иного Vorlage? Могли ли переводчики не знать традиционного перевода слова бəḡōš? Или для них слово бəḡōšîm не ассоциировались конкретно с кипарисами, а обозначало вообще некую ценную древесную породу? Можно ли сделать вывод о том, что деревья бəḡōš в представлении переводчиков происходили с Ливанских гор?

Точно такие же вопросы можно было бы адресовать и авторам (или автору) греческого перевода Книги пророка Захарии. По какой причине переводчики отказываются от более распространенных вариантов перевода фитонима бəḡōš (κολάρισσος и λεύκη) и передают его греческим λίτυς «сосна» (Зах. 11:2)? Чем руководствовались авторы пере-

¹ Сорокин А., иер. На чем основан Синодальный перевод Ветхого Завета? (Наименования растений в Синодальном переводе Ветхого Завета) // Скрижали. 2015. Вып. 9. С. 72–96.

вода? Быть может, своими ботаническими представлениями? Можно ли предположить, что все три греческих наименования, обозначающие разные хвойные, воспринимались ими как синонимы, а выбор именно *λίτυς* сделан из неких стилистических соображений? Так, обращает на себя внимание тот факт, что греческое слово *λίτυς* встречается в LXX лишь дважды: в Зах. 11:2 и Иез. 31:8. Более того, можно предположить (хотя это не вполне очевидно), что в Иез. 31:8 словом *λίτυς* также переведено еврейское *bəḡōš*. В своем «Исследовании о растениях» Теофраст отмечает¹, что *λίτυς* и *λεῦκη* – это разные наименования сосен, используемые в разных частях грекоязычного мира. Не говорит ли нам выбор нестандартного эквивалента фитонима *bəḡōš* нечто об авторах перевода Книг пророков Иезекииля и Захарии?

Как уже говорилось, подобная непоследовательность перевода еврейских фитонимов отнюдь не редкость в LXX. В качестве еще одного примера можно привести перевод редкого древнееврейского слова *ḥāḇaššēleṭ* (в Синодальном переводе – «нарцисс»), которое встречается дважды во всем корпусе книг Ветхого Завета и, по мнению большинства современных исследователей (например, Л. Дж. Муссельмана²), является наименованием некоего конкретного вида растения. Если в греческом переводе Ис. 35:1 *ḥāḇaššēleṭ* передается как *κρίνον* «лилия», то в Песн. 2:1 мы встречаем перевод *ἄνθος* «цветок». Заметим, что слово *κρίνον*, помимо Ис. 35:1, встречается в LXX 16 раз (без учета Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, которой нет в еврейском каноне). 11 раз этим словом передается древнееврейский фитоним *šūšān* «лилия» или «водяная лилия» (3 Цар. 7:8, 7:12, Песн. 2:1, 2:2, 2:16, 4:5, 5:13, 6:2, 6:3, 7:3, Ос. 14:6), а 6 раз – существительное *peḥaḥ* «почка,

¹ *Теофраст*. Исследование о растениях. Рязань: Александрия, 2005. С. 81.

² *Musselman L. J.* A Dictionary of Bible Plants. Cambridge University Press, 2011. P. 123.

бутон, цветок» (Исх. 25:31, 25:33, 25:34, Числ. 8:4, 2 Пар. 4:5). Возможно, именно тот факт, что греческое κρίνον воспринималось переводчиками как соответствующее еврейскому šūšān (только в Песни песней 8 случаев), потребовал поиска альтернативного перевода для ḥāḇaṣṣēleṭ в Песн. 2:1. Ведь в данном стихе присутствует одновременно и šūšān, и ḥāḇaṣṣēleṭ. Очевидно, что переводчикам было необходимо избежать нежелательного в поэтическом тексте повтора.

Даже на примере двух рассмотренных выше древнееврейских фитонимов (bəḡōš и ḥāḇaṣṣēleṭ) видно, что в каждом случае имелись свои причины отступления от принципа последовательности перевода (от текстологических ошибок до намеренной стилистической правки). Во многих случаях мы можем лишь предполагать мотивы переводчиков при выборе греческого эквивалента для еврейского фитонима. При этом очевидно, что для исследователей библейской фитонимики наибольший интерес могут представлять те случаи, когда переводчики осознанно отступали от традиционного перевода того или иного еврейского фитонима.

Обобщающие переводы наименований растений в Септуагинте

Предыдущий пример показателен еще и тем, что нередко одни и те же древнееврейские ботанические термины передаются в LXX заметно различающимися по объему древнегреческими терминами. Иногда мы видим, что греческое слово в LXX отчасти меняет свое «классическое» значение. Скажем, два перевода слова ḥāḇaṣṣēleṭ (κρίνον и ἄνθος) несоизмеримы друг с другом по объему. Основное «классическое» значение слова κρίνον – «лилия», т. е. вполне конкретный род растений (или, возможно, группа схожих родов). Иногда, по-видимому, κρίνον использовалось и в более широком смысле для растений с цветками определенной формы или, в целом, для красивых полевых

цветов¹. Греческий термин ἄνθος имеет явно обобщенное значение – «цветок», и не может быть отнесен к какой бы то ни было конкретной группе цветковых растений. Помимо ḥābaššēlet, словом kṛívov в LXX переводится и другой вполне конкретный древнееврейский фитоним šūšān, который современные исследователи чаще всего соотносят с кувшинкой голубой или голубым египетским лотосом (*Nymphaea caerulea*)². Слово kṛívov используется в LXX и в качестве перевода обобщенного древнееврейского ботанического термина rēgaḥ, который может обозначать и почку, и бутон, и цветок.

При подборе примеров обобщающих переводов древнееврейских фитонимов требуется определенная осторожность, чтобы исключить те случаи, когда переводчик и не пытался использовать прием обобщения, а просто неверно понял значение фитонима. Именно так, по-видимому, авторами LXX было неверно понято древнееврейское ʿēšel. Фитоним ʿēšel современные исследователи считают наименованием вполне определенного растения и обычно идентифицируют как один из видов рода Тамариск (*Tamarix*). Однако древние переводчики могли утратить понимание этого фитонима, а потому во всех трех случаях его вхождения в корпусе книг Ветхого Завета (Быт. 21:33, 1 Цар. 22:6; 31:13) слово ʿēšel было прочитано, по всей видимости, по-арамейски ʿāšlā³. Одно из значений этого арамейского слова – «мера площади»³, что позволило перевести слово ʿēšel на греческий язык термином ἄρουρα, который, помимо основного значения «пашня, засеянное поле»,

¹ Friberg T., Friberg B., Miller N. F. Analytical Lexicon of the Greek New Testament. Bloomington: Trafford Publishing, 2006. S.v. kṛívov.

² Эйделькинд Я. Д. Песнь Песней: филологический комментарий. М.: РГГУ, 2015. С. 182. Keel O. Das Hohelied (Zürcher Bibelkommentare. Altes Testament 18). 2 Aufl. Zürich, 1992. S. 80.

³ Sokoloff M. A Dictionary of Jewish Babylonian Aramaic of the Talmudic and Geonic Periods. John Hopkins University Press, 2003. P. 173.

служил мерой площади в Древнем Египте¹. Причем переводчиков не смутило, что в выражении (1 Цар. 22:6) *wəšāʿûl yôšēb baggib^{ᶜā}ḥ t̥aḥat-hāʿēšel* («и Саул сидел (находился) на холме под ʿēšel») контекст не позволяет перевести ʿēšel как ἄρουρα «пашня» или «мера площади». Трудно себе представить, что древний автор 1 Царств имел в виду, что Саул находился «под пашней», ὑπὸ τὴν ἄρουραν. Показательно, что даже авторы славянского перевода Библии, которые в подавляющем большинстве случаев буквально следуют LXX, выражение ὑπὸ τὴν ἄρουραν перевели словами под дѣвръвю, возможно, ориентируясь на Вульгату (in nemore).

Переводы – трактовки древнееврейских фитонимов в Септуагинте

Переводы некоторых фитонимов в LXX являются своего рода интерпретациями и отражают, по-видимому, представления переводчиков о том или ином древнееврейском ботаническом наименовании. Например, словосочетание *ʿāšê-ḡōḇreḡ*, встречающееся в Ветхом Завете единственный раз в Быт. 6:14 («дерево гофер», из которого был сделан Ноев ковчег), передается в LXX словами ἐκ ξύλων τετραγώνων, т. е. буквально «из деревьев (древесины) четырехугольных». Очевидно, что авторы перевода книги Бытия не могли перевести незнакомое им слово ḡōḇreḡ, но предпочли передать свое понимание этого термина. Можно предположить два пути возникновения такого рода вольного перевода. Возможно, авторы добавили слово τετραγώνων просто исходя контекста: ковчег строится из хорошо подогнанных друг ко другу, отесанных бревен. Или в данном переводе мы встречаемся с фиксацией какого-то расхожего в определенное время и в определенной среде понимания или толкования данного стиха.

¹ *Liddell H. G., Scott R. Greek – English Lexicon. Oxford: Calderon Press, 1996. S.v. ἄρουρα.*

Интересной, на наш взгляд, трактовкой является перевод в Быт. 30:14 древнееврейского слова $\text{d}\dot{\text{u}}\text{d}\dot{\text{a}}^{\text{r}}\text{im}$ как $\mu\eta\lambda\alpha$ $\mu\alpha\nu\delta\rho\alpha\upsilon\omicron\rho\omicron\upsilon$ «яблоки (плоды) мандрагоры». Заметим, что в остальных пяти случаях вхождения фитонима $\text{d}\dot{\text{u}}\text{d}\dot{\text{a}}^{\text{r}}\text{im}$ (Быт. 30:14; 30:15 – 2 вхождения; 30:16; Песн. 7:14) он переводится на греческий язык только одним словом $\mu\alpha\nu\delta\rho\alpha\upsilon\omicron\rho\omicron\upsilon\varsigma$. Трудно сделать однозначный вывод о том, почему именно древние переводчики добавили слово $\mu\eta\lambda\alpha$ в Быт. 30:14. Ясно лишь, что авторам перевода важно было подчеркнуть, что в Быт. 30 Рувим собрал именно плоды, а скажем, не корневища мандрагоры. Известно, что с древних времен корневищам мандрагоры придавалось мистическое значение, сбор этих корневищ считался смертельно опасным занятием. Возможно, именно поэтому авторам LXX хотелось отметить, что Рувим собирал отнюдь не корневища. Можно предположить также, что упоминание именно плодов мандрагоры отражает некие представления о том, какова роль мандрагоры в данном повествовании (например, проблема зачатия – см. рассуждения Рамбана над этим эпизодом¹).

Нередко перевод древнееврейских фитонимов в LXX вполне конкретен и позволяет в ряде случаев хотя бы отчасти понять, какая именно ботаническая реалья может стоять за этими фитонимами. Так, можно предположить, что перевод древнееврейских фитонимов $\text{t}\dot{\text{a}}\text{h}\dot{\text{a}}\text{r}$ (Ис. 60:13) и $\text{r}\dot{\text{a}}\text{lg}\dot{\text{u}}\text{m}\dot{\text{m}}\dot{\text{a}}\text{m}$ (2 Пар. 2:8) греческим словом $\pi\epsilon\acute{\upsilon}\kappa\eta$ отражает представление об этих еврейских фитонимах в еврейских эллинизированных общинах III–II веков до Р. Х. Слово $\pi\epsilon\acute{\upsilon}\kappa\eta$ неоднократно упоминается в работах античных авторов-естествоиспытателей, например, Теофраста. Описание дерева с названием $\pi\epsilon\acute{\upsilon}\kappa\eta$ у Теофраста позволяют современным специалистам понять, что в его работах речь идет о видах рода Сосна (*Pinus*)². Благодаря близости по времени создания трудов Теофраста и перевода LXX мы

¹ Классические библейские комментарии. Книга Бытия. М., 2010. С. 415.

² *Теофраст*. Исследование о растениях. С. 347–353.

можем с большой долей уверенности говорить, что авторы LXX понимали *tidhār* (Ис. 60:13) и *ʔalgūmmîm* (2 Пар. 2:8) именно как сосны.

Транслитерация древнееврейских фитонимов в Септуагинте

Случаи транслитерации древнееврейских ботанических терминов в LXX встречаются достаточно редко. Заметим, что этот прием гораздо чаще встречается в более поздних переводах Библии. Даже весьма часто транслитерируемые в переводах еврейские фитонимы *ḡbōreḡ* и *šittîm* (например, в русском Синодальном переводе – «гофер» и «ситтим») в LXX не передаются иначе. В проанализированных нами Книгах Бытие и Исаяи удалось выявить единственный случай транслитерации фитонима. В Быт. 41:2 древнееврейское *ʔāḥû*, означающее тростник или какие-либо иные прибрежные растения, передается в LXX ἄχϵ. Можно предположить, что переводчики просто не знали это древнееврейское слово, а потому, отказавшись от попытки его перевести, просто транслитерировали непонятное им слово. На наш взгляд, трудно предположить какую-либо иную причину использования транслитерации данного фитонима. Заметим, что столь неожиданная передача в LXX древнееврейского *ʔāḥû*, возможно, обусловлена тем, что в Vorlage авторы Септуагинты прочли еврейскую букву «вав» как схожую с ней букву «йод».

Заключение

Подводя итог нашему обзору фитонимики Книг Бытие и пророка Исаяи, можно отметить, что для Септуагинты характерна непоследовательность при переводе древнееврейских фитонимов, а также широкий спектр приемов перевода (обобщающий перевод, транслитерация, перевод-трактовка). Понимание особенностей перевода ботанической лексики в LXX, а также выявление возможных мотивов переводчиков при выборе переводческих эквивалентов древнееврейских названий растений может позволить при-

близиться к пониманию точного значения еврейских фитонимов, идентификация которых на данный момент представляет проблему для исследователей. Кроме того, изучение фитонимики Септуагинты могло бы в отдельных случаях дать ключ к пониманию той среды (языковой, культурной, этнической), в которой создавался перевод отдельных библейских книг. Безусловно, уточнение значения библейских фитонимов не может не отразиться на нашем понимании самих Священных текстов, изобилующих ботаническими образами, символами и метафорами.

Литература:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. 1376 с.
2. *Biblia Hebraica Stuttgartensia*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1977. 1574 p.
3. *Septuaginta*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. 941 s.
4. Классические библейские комментарии. Книга Бытия. М., 2010. 701 с.
5. *Сорокин А., иер.* На чем основан Синодальный перевод Ветхого Завета? (Наименования растений в Синодальном переводе Ветхого Завета) // Скрижали. 2015. Вып. 9. С. 72–96.
6. *Феофраст*. Исследование о растениях. Рязань: Александрия, 2005. 560 с.
7. *Эйделькин Я. Д.* Песнь Песней: филологический комментарий. М.: РГГУ, 2015. 324 с.
8. *Friberg T., Friberg B., Miller N. F.* Analytical Lexicon of the Greek New Testament. Bloomington: Trafford Publishing, 2006. 440 p.
9. *Keel O.* Das Hohelied (Zürcher Bibelkommentare. Altes Testament 18). 2 Aufl. Zürich, 1992. 268 S.
10. *Liddell H. G., Scott R.* Greek – English Lexicon. Oxford: Calderon Press, 1996. 2436 p.

11. *Musselman L. J.* A Dictionary of Bible Plants. Cambridge University Press, 2011. 173 p.
12. *Sokoloff M.* A Dictionary of Jewish Babylonian Aramaic of the Talmudic and Geonic Periods. John Hopkins University Press, 2003. 1600 p.

Priest Alexey Sorokin

Translation Features of the Hebrew Names of Plants in the Septuagint

The article provides an overview of the characteristic features of the transmission of the Hebrew names of plants (phytonyms) in the oldest translation of the Old Testament – the Septuagint (LXX). The main material for analysis was the names of plants mentioned in the books of Genesis and Isaiah. It can be noted that LXX is characterized by inconsistency in the translation of Hebrew phytonyms, as well as a wide range of translation techniques: generalizing translation, transliteration, translation-interpretation. A study of the botanical vocabulary of the Septuagint allows us to clarify the meaning of the difficultly understood Jewish phytonyms, which may be important for the exegesis of the Holy Scripture, replete with botanical images, symbols and metaphors.

Keywords: Septuagint, the book of Genesis, the book of Isaiah, plants of the Bible, phytonymy.

Alexey Sorokin – Priest, Candidate of Theology, Nikolozhreshskaya Theological Seminary, Post-graduate Student of the Ss Cyril and Methodius Institute of Post-graduate Studies (a_n_sorokin@mail.ru).